

В.Н. Степанов,
главный эксперт ФБУ Ярославская ЛСЭ Минюста России,
доктор филологических наук, профессор

ПРОВОКАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И АНАЛИЗ

В статье рассматриваются комплексные и элементарные провокативные жанры, которые вступают в интерференцию друг с другом в условиях не прямой коммуникации, с другими коммуникативными и жанровыми образованиями, способны вызывать программируемый эмоциональный эффект, который носит регулярный характер, следствием этого являются прогнозируемость и программируемость провокативного эффекта.

Ключевые слова: жанр, провоцирование, признание, забота, представление, демонстратив, сентенция, жалоба, совет, укор, нотация, провокативный вопрос.

V. Stepanov

Master forensic examiner

Yaroslavl Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

DSc (Linguistics), professor

PROVOCATIVE SPEECH GENRES AS A MEANS OF INDIRECT COMMUNICATION, ITS LINGUISTIC ENTITY AND ANALYSIS

In this article the system of complex and elementary provocative genres is displayed. The elementary provocative genres used to engage with each other and other communication and genre phenomena in the context of indirect communication in a sort of interference which impact on their intentionality. The provocative effect of the exposed provocative genres happened to be constant, and hence easily predicted, and planned.

Keywords: genre, provoking, confession, care, avowal, introduction, maxim, complaint, advise, reproach, reprimand, provocative question.

Феномен речевых жанров

Речевой жанр является первичной формой существования языка. Как писал Михаил Бахтин, «формы языка и типические формы высказывания, то есть речевые жанры, приходят в наш опыт и в наше сознание вместе и в тесной связи друг с другом» [2, с. 181].

В своей статье, посвящённой речевым жанрам, учёный дал определение

речевых жанров через категорию типического: «Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах» [2, с. 191]. Далее в статье исследователь относит к признакам жанра и типическую концепцию адресата [см.: 2, с. 200].

«В каждом высказывании, – писал М.М. Бахтин, – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *з а м ы с е л* (выделения М.М. Бахтина. – В.С.) или *р е ч е в у ю в о л ю* говорящего, определяющую целое высказывания, его объём и его границы... Речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в *в ы б о р е* определённого речевого жанра. Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.» [2, с. 179–180].

Ситуация, определяющая целостность и законченность речевого жанра, разворачивается в процессе речевого общения, на глазах у его участников, следовательно, демонстрировать нечто – основная задача речевого жанра: «Выразить себя – это значит сделать себя *о б ъ е к т о м* (выделение М.М. Бахтина. – В.С.) для другого и для себя самого (“действительность сознания”)» [3, с. 314].

Речевые жанры традиционно воспринимаются исследователями как аналогии речевых действий в концепции Джона Остина и последователей теории речевых актов. Главным отличием речевого жанра от речевого акта считается то, что, по словам Т.В. Шмелёвой, «теория речевых актов обращена к сфере действий, тогда как учение о речевых жанрах – к сфере текстов, высказываний как результатов действий» [19, с. 21]. Подытоживая свои рассуждения, М.Ю. Федосюк уточнил определение, данное Бахтиным, и предложил рассматривать речевые жанры как устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов [см.: 18, с. 104].

Филологи с опорой на психолингвистические исследования указали на взаимосвязь речевых жанров и когнитивной сферы человека, ментального моделирования опыта человека: «Они (жанры. – В.С.) присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [12, с. 41] – и ставят проблему описания жанровой компетенции языковой личности. Это позволяет констатировать существование ещё одной сферы лингвистического интереса – генристики, или

лингвистического изучения речевых жанров [7; 8].

Суммируя всё сказанное выше, представим список онтологических признаков речевого жанра. **Речевой жанр – это типическая формальная (текстовая) организация (ментальная модель), с помощью которой люди формируют (создают) и передают собственный жизненный опыт общения в данном языковом коллективе и воспринимают чужой опыт.** Речевой жанр – форма существования и основная единица усвоения языка. Это – основная форма речевого общения и организации индивидуального сознания, более того, «речевое мышление имеет принципиально жанровую природу» [12, с. 40].

Провоцирование как способ эмоциогенного воздействия

Провоцирование, или заражение, является, на наш взгляд, особым видом воздействия, в процессе которого провоцирующий демонстрирует реально переживаемое им или искусно имитируемое психологическое состояние с целью вызвать у провоцируемого психологическое состояние, аналогичное демонстрируемому. Мы предложили рассматривать провоцирование как проявление эмоциогенности в речи и разновидность эмоционального заражения [см.: 15, с. 15].

Способность и навыки провоцирования развиваются и функционируют в социальной среде, они носят социальный характер. Акты провоцирования в речи обусловлены речевой деятельностью человека, его коммуникативным опытом и возникающей на этой основе социальной памятью, поскольку формируются под непосредственным влиянием речевой практики социума. Они могут быть охарактеризованы в полной мере как «социальный продукт» [20, с. 25] и рассматриваются нами как социальные явления. Родовыми признаками провоцирования как социального феномена являются следующие:

- **функциональный** – провоцирование выполняет культуру-образующую функцию, передаёт культурное наследие (к которому относится коммуникативно-речевой опыт) от одного члена социума к другому с помощью языка и характеризуется как смысловая коммуникация;
- **формальный** – провоцирование совершается в общении, реципиентом которого является другой человек, группа

людей или общество в целом (как в массовой коммуникации), и относится к внешней смысловой коммуникации;

- **онтологический** – провоцирование в совокупности функционального и формального признаков является разновидностью социальной коммуникации, которая является движением «эмоций, эмоциональных переживаний, волевых воздействий в социальном времени и пространстве» [14, с. 4].

Эмоционально-аффективная сторона психики человека является одновременно источником, прямым объектом («мишенью») и содержанием провоцирования, а средства провоцирования выражают аффективный смысл, который вступает в конфликт с реальным содержанием речевого высказывания. Это позволяет отнести провоцирование к сфере не прямой коммуникации, исследования которой являются междисциплинарными, потому что они ведутся в разных областях научного знания. В.В. Дементьев предлагает называть не прямой коммуникацией «содержательно осложнённую коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [8, с. 4].

Провоцирование предлагает множественный выбор часто проти-воположных коммуникативных смыслов, указывающих на отношение говорящего к собеседнику, которое лежит в одной из точек спектра; на одном полюсе этого спектра находится психологическое состояние **толерантности**, а на другом – **интолерантности**. Вот, например, как провоцирование на примере отношений в семье описывает Георгий Гачев:

(1) «И вот только что “сволочь” я и “гад” и “чтоб сдох” – так проклят и заклеймён дочерью, – и в мановение ока, пока обнял, – все это исчезло и ничего не значит: любим я и унежен, а все эти социумные, с чужого плеча взятые напрокат семейного разговора понятия и слова – лишь провокация, чтоб источить – нежность (выделение наше. – В. С.), что бессловесна и лепечуща» [4, с. 408].

Психологическими механизмами провокативной деятельности говорящего являются д е м о н с т р а ц и я и р е т р а н с л я ц и я реального или имитируемого эмоциогенного состояния или пси-

хологического отношения провоцирующего реципиенту провоцирования (провоцируемому) в речевом жанре, л о к а л и з а ц и я провокативного намерения в символической форме вербальных знаков и вызывание в адресате аналогичного эмоциогенному состоянию.

Провоцирование в социальной и массовой коммуникации использует те же провокативные психологические механизмы символизации, демонстрирования и ретрансляции с целью вызвать у собеседника в студии и массовой аудитории желаемое психологическое состояние, ментальные схемы косвенных сообщений, характерных для не прямой коммуникации, и речевые жанры, что и в коммуникации межличностной, поскольку базовый пласт общения в условиях СМИ относится к интерперсональному взаимодействию.

Номенклатура провокативных жанров

Провоцирование относится к системным речевым явлениям и является особым видом речевой деятельности – провокативной деятельностью [16; 17].

Лежащий в основе провоцирования комплекс интенций говорящего составляет программный блок (провокативную стратегию), или комплексный провокативный жанр (КПЖ), и последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокативных жанров) до того момента, пока не будет достигнут ожидаемый провокативный эффект.

Ставшее традиционным в современной теории речевых жанров стремление «связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события» [5, с. 32] и понимать речевой жанр как форму речевого события подтверждает верность наблюдения Тео ван Дейка о том, что «люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нём, сколько о межсубъектных моделях явлений и ситуаций действительности, получивших определённое толкование» [6, с. 141]. Это соответствует мысли того же автора о том, что «типизированные последовательности речевых актов могут рассматриваться как культурно обусловленные» [6, с. 18], и позволяет отнести исследование подобных проблем в сферу филологии, поскольку, по словам ван Дейка, «стереотипные, присутствующие какой-либо культуре социальные ситуации могут быть представлены в памяти в

форме сценариев таким образом, что люди могут взаимодействовать друг с другом или общаться на основе этого общего знания» [6, с. 140].

Содержанием провокативных речевых жанров является не прямое сообщение о реальном или имитируемом состоянии говорящего, а провокативное речевое общение разворачивается полностью в сфере внутреннего мира коммуникантов. Обмен информацией при таком общении имеет косвенный характер, вызывает эмоциональный отклик у общающихся и обуславливает предсказуемость и программируемость перлокутивного (провокативного) эффекта.

В структуре значения многозначных, поливалентных провокативных высказываний в той или иной жанровой форме один смысл (прямой, первичный, буквальный) «означивает» одновременно и другой смысл (косвенный, вторичный, обусловленный речевым контекстом и ситуацией общения, который может быть понят лишь через первый и только с учётом условий речевого общения). Такие провокативные жанры выполняют функцию не только означивания, они одновременно «показывают» эмоциональное состояние говорящего, которое скрывается за актом «говoreния».

Провокативный дискурс – комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нём интенциональное состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента.

Номенклатуру провокативных жанров составляют девять элементарных провокативных жанров (ЭПЖ) в составе двух базовых КПЖ, имеющих, на наш взгляд, надъязыковой характер: первый КПЖ – *п р и з н а н и е*, второй – *з а б о т а*.

В КПЖ признания содержится апелляция к внутреннему миру адресанта с целью продемонстрировать его психологическое (интенциональное) состояние. Это акцентирование *с ф е р ы а д р е с а н т а*. Номенклатуру КПЖ признания составляют элементарные речевые жанры признания, жалобы, сентенции, представления, демонстратива.

В КПЖ заботы акцентируется *с ф е р а а д р е с а т а*, именно она выступает предметом речи в жанрах этой жанровой стратегии провокативного речевого поведения. Номенклатуру КПЖ заботы составляют элементарные провокативные жанры совета, провокативного вопроса, нотации, укора.

КПЖ можно проанализировать по категориям по признаку лежащих в их основе глубинных интенциональных состояний:

1) провокативные жанры с интенциональным состоянием **толерантности**;

2) провокативные жанры с интенциональным состоянием **интолерантности**¹.

Таким образом, провокативные жанры с интенциональным состоянием толерантности свидетельствуют о готовности говорящего участвовать в общении, в полной мере взаимодействовать с партнёром, уважая его личностные мотивы данной интеракции и принимая его поведение как данность – определённую коммуникативно-прагматическую константу, и выражают это с целью сделать коммуникацию успешной для обоих общающихся.

Наоборот, провокативные жанры с интенциональным состоянием интолерантности демонстрируют нетерпимость говорящего по отношению к индивидуальной воле партнёра по коммуникации и намерение адресанта навязать адресату такую манеру поведения, которая способна нанести программируемый ущерб той или иной сфере личности адресата.

Отличительным признаком провокативных жанров является то, что они в условиях не прямой коммуникации вступают в интерференцию и один и тот же жанр может использоваться для выражения противоположных интенциональных состояний – толерантности и интолерантности.

Провокативный дискурс в целом и модели провокативных жанров реконструированы нами на материале стилизованной разговорной речи, текстов художественной литературы, где они представлены с высокой степенью типизации, а жанровые модели провоцирования в социальной и массо-

1 Слово «толерантность» происходит от латинского глагола *tōlērāre*, имеющего значение «переносить, выдерживать, терпеть», а современное английское *tolerance* наряду с «терпимостью» означает также «допуск», «допустимое отклонение от стандартного размера и веса монеты». За этой семантикой стоит отчётливо обозначенная идея меры, границы, до которой можно *терпеть другого*, даже если его действия вызывают у тебя недоумение или сопротивление.

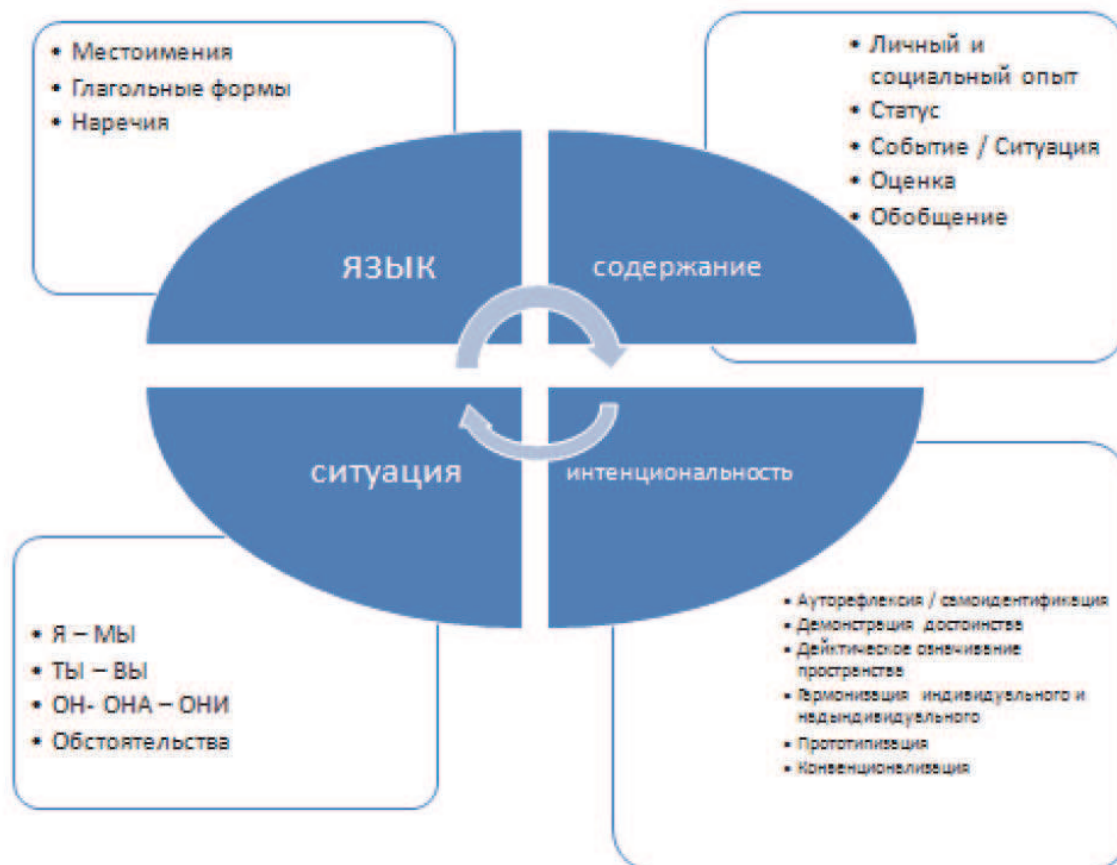

Рис. 1. Жанровообразующие признаки провокативных жанров

вой коммуникации используют те же жанровые прототипы, что встречаются в межличностной коммуникации.

Для описания жанровых моделей провоцирования представляется целесообразным выделять жанровообразующие и жанровоопределяющие признаки (в соответствии с анкетой жанра, предложенной Т.В. Шмелёвой [19]). Через описание «схем протекания», «структурных моделей» жанров выделяются так называемые «объективные жанровые признаки», призванные доказать жанровую принадлежность текста, – **жанровообразующие признаки** [см.: 1, с. 53]. «Особые, специфические, характерные для данного жанра (или группы жанров) черты» относятся к **жанровоопределяющим признакам** [там же].

Жанровообразующие признаки провокативных жанров описываются по четырехкомпонентной модели (рис. 1): 1) язык (лингвистические признаки), 2) коммуникативная ситуация (коммуникативные признаки), 3) содержание (содержательные признаки), 4) интенциональность (намерение подразумевания, лежащее в основе провокативного жанра).

«Интенциональное состояние, – пишет Дж. Р. Серль, – содержит некоторое репрезентативное содержание в определённом психологическом модусе. Интенциональные состояния репрезентируют объекты и положения дел в том же самом смысле, в котором репрезентируют их речевые акты» [13, с. 107]. Интенциональное содержание определяет условия своей выполнимости, которые считаются осуществлёнными, если интенциональное состояние выполнено, что позволило Серлю сделать очень важное утверждение: каждое интенциональное состояние является репрезентацией условий выполнимости [см.: 13, с. 110].

Жанровоопределяющие признаки элементарных провокативных жанров

ЭПЖ п р и з н а н и я – это сообщение о внутреннем состоянии говорящего, его намерениях, личном опыте, поведении, привычках, знаниях, чувствах, вере (содержание жанра):

(2) «...мы еще обладаем приказом Аллаха, чтобы мы воевали, уничтожали вас, так как вы являетесь врагами Аллаха»

Рис. 2. «Я паркуюсь как идиот» (news.headline.kz)

(3) «Я призываю тебя о мой брат!»

(4) «Я паркуюсь как идиот» (рис. 2)
(признание ~ укор)

(5) «Сколько я зарезал, сколько перерезал! Сколько душ невинных загубил!»
(песня Ястреба в исполнении Евгения Леонова в кинофильме «Джентльмены удачи»)
(признание ~ угроза)

К лингвистическим признакам признания относится на лексическом уровне использование личных местоимений 1 лица единственного и множественного числа и личных форм глагола в двухкомпонентном простом предложении (2; 3; 4; 5). В русском языке в этом жанре субъект речи может быть выражен личным местоимением в форме дательного падежа, а предикат – возвратным глаголом (4; 6) или предикативным наречием (7):

(6) «Ты мне нравишься»

(7) «Мне его жалко»

Коммуникативная ситуация обозначена местоименным указанием на адресанта («я-мы-меня-нам»), его внутреннее состояние, действия и мотивацию: «мы еще обладаем приказом» в значении «нам приказано» (2).

Интенциональность признания можно обозначить как ауторефлексию, т.е. осмысление поведения, мотивов и целей, внутреннего состояния адресанта.

ЭПЖ жалобы – это сообщение о внутреннем состоянии говорящего, которое причиняет ему боль, вред, таит угрозу. Содержанием данного жанра является описание внутреннего состояния и вызвавшей

его коммуникативной ситуации, их отрицательная оценка (содержание жанра):

(8) «Они нас в безгласных рабов превратили, и их о погромах трезвон В сравнении с жидовским разгромом России – Бредовый мифический сон!» (жалоба ~ укор)

(9) «Полицаи крышуют игровой зал... Мне угрожает чурка типа армянин, игровой зал до сих пор работает... Значит, менты лаве имеют...»

Лингвистические признаки жалобы определяются личными местоимениями 1 лица единственного и множественного числа, личными формами глагола, предикативными наречиями. Лингвистические признаки признания и жалобы аналогичны, эти два жанра отличает только оценочность – положительная или нейтральная в признании и отрицательная в жалобе.

Коммуникативная ситуация обозначена через описание действий её участников («я-мы-ты-вы-он-она-они») и обстоятельств: «они нас в безгласных рабов превратили» в значении «мы безгласные рабы» (8), «мне угрожает чурка типа армянин» (9).

Интенциональность жалобы можно охарактеризовать (как и в провокативном жанре признания) как ауторефлексию, т.е. осмысление и негативную оценку собственного поведения, внутреннего состояния (навязываемого другими), социального статуса (8) или обстоятельств (9).

В с е н т е н ц и и обобщается личный и социальный (духовный) опыт адресанта, утверждается универсальный характер этого опыта, дается его положительная оценка (содержание жанра):

(10) «Наше дело – делать от сердца, проявлять искренность, делать джихад, советоваться с Аллахом, советоваться с братьями, делать какие-то поступки на пути Аллаха»

(11) «Оставим порицание и не будем делать его нашим оружием, а займемся делом, оставив слова. Это сражение не является политическим, националистическим или экономическим, если это было бы так, то остановить его было бы нетрудно. Однако это – сражение – сражение вероубежденных. Или вера или неверие, или невежество или ислам»

(12) «Жить хорошо. А хорошо жить еще лучше»

К лингвистическим признакам синтаксиса относятся инфинитивные и назывные однокомпонентные предложения (11), инфинитив и предикативное наречие в составном сказуемом двухкомпонентного предложения (10; 12), разного рода устойчивые высказывания (паремии).

С точки зрения отражения коммуникативной ситуации, адресант типизирует и «присваивает» известный ему, чужой или собственный, опыт – личный, социальный, духовный.

В таком обобщении, с точки зрения интенциональности жанра, представлена попытка самоидентификации адресанта в рамках определенного сообщества и с опорой на культурные, социальные, национальные, корпоративные ценности, подразумевается намерение гармонизировать индивидуальный и надывидуальный опыт адресанта.

В демонстративе тот или иной компонент актуальной коммуникативной ситуации вычленяется в результате анализа адресантом событийного и поведенческого контекстов (содержание жанра):

(13) [Это] «1948: «Израиль» провозглашен и изгнание мусульман усиливается»

(14) [Это] «2000: Израиль использует химическое оружие»

(15) «Да, мирные жители! Это дом нашего дяди. Мы все мирные жители. Здесь нет никаких боевиков. О Аллах отомсти им!» (демонстратив, представление, демонстратив)

(16) «[ВОТ] КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА. [ЭТО] пламенный напиток перемен», «черный подшлемник, бутылка из-под красня-

тины, две трети бензина, одна треть масла – три шт., сила воли, помноженная на ненависть, рывок, эффект, прецедент. дешево. сердито. практично. малоэффективно...» (демонстратив ~ рецепт)

(17) «Это Исламская Умма, это Умма Мухаммада (с.а.с.)! Наместническая миссия на Земле принадлежит этой Умме. Только Она достойна быть предводителем для человечества. И она вырвет это лидерство из чужих рук для себя, и этот Великан встанет на свои ноги. Для того, чтобы смести и разрушить США и Израиль» (демонстратив ~ нотация)

С лингвистической точки зрения демонстратив характеризуют указательные местоимения (15; 17), обстоятельственные наречия (15), даты (13; 14). Данные жанровые маркеры либо представлены на внешнем уровне, например в устной речи (15; 17), либо легко восстанавливаются из контекста (13; 14; 16), особенно это характерно для креолизованных текстов, в которых видео сопровождает и дополняет вербальный ряд (13; 14; 16).

Интенциональность демонстратива можно описать как дейктическое означивание пространственного и временного континуума, «присваивание» адресантом социальной истории.

В представлении адресант называет (представляет) себя или третье лицо, указывая имя (имя, отчество, фамилию), социальный статус, профессиональную или конфессиональную принадлежность, отношение к той или иной идеологии (содержание жанра):

(18) «Я русский я славянин а ты россиянин, глупый и послушный раб с нерусским именем не знающий русской культуры ничего не знающий о россия»

(19) «Мы – совесть России, наш герб – коловрат»

К лингвистическим признакам представления относятся личные местоимения (15; 18; 19), характеризующие имена существительные (15; 18; 19), индикатив глагола «представить», эллиптические (15; 18; 19) или безличные конструкции («меня зовут»).

Интенциональность представления реализуется в акте самоидентификации адресанта, в намерении продемонстрировать собственное достоинство (через декларируемые социальные, профессиональ-

ные, конфессиональные и другие статусы) и гармонизировать индивидуальную и надындивидуальную сферы общения.

В КПЖ заботы ЭПЖ с о в е т а содержит доброжелательную рекомендацию адресату в отношении его поведения в определенной ситуации общения, отдельных поступков, действий или отношений с окружающими и внешним миром (содержание жанра):

(20) «Надо бригаду правых парней собирать и бить тех, кто запугивает. Так вернее будет. А адвокатов черти и покруче купить могут...»

(21) «Напротив магнита. Какой нах флешмоб, нужно погром организовывать, раз менты не хотят закрывать шаганцовское заведение...»

К лингвистическим признакам жанра совета относятся императивы и предикативные наречия (20; 21).

Интенциональность совета определяется намерением адресанта высказать рекомендации в отношении желаемого поведения адресата в определенной ситуации, в складывающихся условиях общения.

Н о т а ц и я как один из элементов КПЖ з а б о т ы представляет собой поучение, выражающее стремление говорящего обратить внимание адресата на в определенной степени эталонное (в рамках социума или отдельной ситуации), оцениваемое положительно желаемое поведение, прототипический социальный и личный опыт третьего лица (содержание жанра):

(22) «И Лев Николаич Толстой борода-тый, Людей благородных любя, Когда узнавал, что общался с пархатым, то чувствовал хуже себя!»

(23) «Некрасов и Пушкин, Булгарин и Гоголь – Словесности русской столпы Злодейскую иноплеменную погань так прямо и звали: «Жида»!»

(24) «Жида заправляют, жида отбирают, Крадут, убивают и лгут, Жида покоряют, жида разделяют, Жида нас перепродают» (нотация ~ жалоба)

В пресуппозиции высказываний этого жанра скрыта негативная оценка предыдущих действий или всего поведения реципиента.

К лингвистическим признакам нотации относятся личные местоимения 3 лица,

имена существительные (24), в том числе имена собственные (22; 23), личные формы глагола (22; 23; 24).

Коммуникативные условия нотации представлены «эталонными» персонажами и описанием их действий, поведения.

Интенциональность нотации выражается в прототипизации поведения адресата, формировании рекомендации.

ЭПЖ у к о р а – это открыто выраженная негативная оценка поведения или действий адресата, его внутреннего состояния, социального статуса, профессиональной или конфессиональной принадлежности (содержание жанра):

(25) «И вы утверждаете что относитесь к Исламу? О правители Ирака, бойтесь Аллаха!» (провокативный вопрос ~ укор)

(26) «Кто ты, под «лэйблом» салафизма? Неужто искренний му'мим? Когда Кавказ огнём пылает, Популяризируешь ты тмин?» (провокативный вопрос ~ укор)

(27) «Эх, «салафиты», «мадхалиты», и «мурджииты» всех мастей. Для кафиров вы просто тряпки, Что под ногами их властей»

Лингвистические признаки данного жанра: личные местоимения 2 лица (25; 26; 27), личные формы глагола (25; 26), имена существительные, описывающие психологическое состояние предмета речи, его социальный статус, профессиональную или конфессиональную принадлежность (26; 27).

Интенциональность укора определяется намерением адресанта гармонизировать индивидуальное и надындивидуальное в личном и социальном опыте адресата, в его поведении.

В форме в о п р о с а, в качестве провокативного жанра входящего в номенклатуру КПЖ заботы, скрыто содержание иного жанра – о поведении адресата в определенных обстоятельствах (содержание жанра):

(28) «Где мусульманские войска?», «Зачем нам нужны международные войска?», «Где армия Египта? Сирии?», «Где армия Иордании? Персидских государств?», «Где армия Йемена?», «Где армия Индонезии?», «Где бомбы Пакистана?», «и для кого эти армии были подготовлены?» (провокативный вопрос ~ укор)

(29) «Когда Исламская Умма поднимется?», «Когда она поймет где ее важная забота?», «Когда Умма вернется к Ис-

Типы вербального экстремизма	Оценка		
	-	+	+/-
возбуждение розни	жалоба		
	укор		
пропаганда взглядов		сентенция	
		представление	
			демонстратив
подстрекательство		нотация	
угроза			совет

Рис. 3. Интерференция провокативных жанров и типов вербального экстремизма

ламу?», «Что является тем, чего вы ждете, что кафиры должны сделать нам?», «Вы что, ждете, пока они сделают больше, чем это?» (провокативный вопрос ~ совет)

(30) «Так что же это за предательство, о правители Ирана? И как вы встретите Аллаха (с.в.т.)?» (провокативный вопрос ~ укор)

(31) «Товарищ ХХХ, вы чурок, держащих работающих игровой зал очкуете? если нет, то почему до сих пор не прикроете это заведение?» (провокативный вопрос ~ укор)

Важнейшим лингвистическим признаком данного провокативного жанра является вопросительная форма.

Интенциональность провокативного вопроса определяется конвенциональностью общения, когда с помощью данного жанра выражаются другие коммуникативные интенции в рамках тех же КПЖ, например укора (28; 30; 31) или совета (29), которые ожидаемо распознаются адресатом.

Случаи интерференции и конкуренции провокативных жанров

Мы предлагаем рассматривать конкуренцию как взаимодействие коммуникативно неравнозначных с точки зрения порождения и восприятия целостного высказывания речевых жанров в едином про-

странстве речевого континуума и возникающие вследствие этого процессы интерференции типовой, обусловленной значениями собственно языковых знаков внешней речи, конситуативно обусловленной значимости элементарного провокативного жанра и значимости комплексного жанра, а также смещение акцента при восприятии целостного речевого сообщения в сторону последней – значимости целого жанрового континуума, т.е. выявление определённого рода полевой организации в структуре имеющих в каждом комплексном провокативном жанре элементарных речевых жанров, репрезентирующих скрытые и явные коммуникативные намерения говорящего [см.: 11]. Такое представление о конкуренции объясняется косвенным характером провокативных жанров, в соответствии с которым внешнеречевой и смысловой уровни их организации не совпадают.

Конкурировать могут элементарные провокативные жанры внутри провокативного дискурса (первый компонент сочетания указывает на основное содержание провокативного жанра, второй – на его контекстуальный смысл): признание и укор (4), жалоба и укор (8), демонстратив и нотация (16), нотация и жалоба (24), провокативный вопрос и укор (25; 26; 28; 30; 31), провокативный вопрос и совет (29). Именно провокативный вопрос, как мы уже отмечали выше, чаще других жанров выражает иные

жанровые провокативные смыслы в условиях непрямой коммуникации.

Конкурировать могут провокативные жанры и другие коммуникативные и жанровые явления, например, в жанре признания может быть выражена угроза (5), а в жанре демонстратива – вторичный жанр (по классификации Бахтина) рецепта (16).

В высшей степени перспективным нам представляется исследование интерференции провокативных элементарных жанров и типов вербального экстремизма. Наше предположение о возможных вариантах интерференции представлено на рис. 3 с учетом оценочного потенциала провокативных жанров, способных выражать позитивную (+), негативную (-) или нейтральную оценку (+/-).

Заключение

Человек с самого начала социальной практики в языковом коллективе интуитивно «знает» о совместной деятельности с другим человеком, «знает» об интенциях и эмоциональных состояниях другого человека. Это интуитивное «знание» определяет способности человека прогнозировать поведенческие векторы другого человека с опорой на регулярный характер репрезентации поведенческих моделей, хранить их в собственной памяти и использовать в собственном речевом поведении.

Именно язык представляет собой совершенную систему ориентации (по мысли чилийского философа Умберто Матураны [10]) собеседника в эмоциональном состоянии говорящего, что делает выражение эмоций и их провоцирование через речь (эмоциогенность) естественным и прогнозируемым. Механизмы провоцирования, формализованные на материале текстов художественной литературы и других социально-культурных институтов, человек переносит на живое общение.

Рассмотренные в статье комплексные провокативные жанры признания и заботы, а также входящие в них элементарные провокативные жанры, с одной стороны, вступают в отношения интерференции друг с другом в рамках провокативного дискурса, с другими коммуникативными и жанровыми образованиями и способны вызывать программируемый эмоциональный эффект, который имеет отчетливо выраженный регулярный характер (следствиями которого выступают прогнозируемость и программируемость). С другой – их набор и системная организация свидетельствуют об их эмоци-

огенной природе, принадлежности к речевому узусу данной культуры.

Способность провокативного жанра транспонироваться в свои функциональные эквиваленты, быть замещенным ими в речи и в описании содержания и интенциональности жанра характеризует провокативный жанр как текст, т.е. «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [9, с. 130].

По словам Ю.М. Лотмана, «текст выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его полноправного участника, субъекта-источника или получателя информации» [там же].

К лингвистическим признакам в жанровообразующей модели провокативных жанров (см. рис. 1) относятся местоимения (личные и указательные), глагольные формы (личные, императив, инфинитив), обстоятельственные и предикативные наречия, имена существительные, безличные и именные однокомпонентные простые предложения, устойчивые конструкции.

Коммуникативные ситуации, с которыми соотносятся провокативные жанры, описывают среду общения человека: я-мы, ты-вы, он-она-они, обстоятельства.

Содержание провокативных жанров составляют описание личного и социального опыта человека, событие или конкретная ситуация, положительная или отрицательная оценка предмета речи, его социальный статус, профессиональная, национальная или конфессиональная принадлежность.

Интенциональность провокативных жанров проявляется в ауторефлексии адресанта, его самоидентификации, намерении гармонизировать индивидуальное и надиндивидуальное в личном и социальном опыте и поведении, продемонстрировать достоинство, дейктически означать и «присвоить» временной и пространственный континуум как часть личной и социальной истории, прототипизировать поведение адресата и использовать конвенциональную основу общения.

Литература

1. Антонова Л.Г. Письменные жанры речи учителя. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1998. – 114 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Рус-

ские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 159–206.

3. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 306–326.

4. Гачев Г. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). Исповедь. – М.: Ди-Дик-ТАНАИС: МТРК «Мир», 1995. – 494 с.

5. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 23–34.

6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

7. Дементьев В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. – Вып. 3. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – С. 18–39.

8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. – Саратов: Изд-во СГУ, 2000. – 248 с.

9. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129–132.

10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95–142.

11. Месечко А.В. Конкуренция иллюкативных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрово-

го состава речевой провокации в публичной речи // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – Вып. 1. – С. 43–49.

12. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 40–51.

13. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96–126.

14. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: СПбГУП, 1996. – 320 с.

15. Степанов В.Н. К вопросу об эмоциогенной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе: научный журнал. – 2012. – Вып. 1 (20). – С. 12–34.

16. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса / отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 43–61.

17. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. – СПб.: Роза мира, 2008. – 163 с.

18. Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

19. Шмелёва Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Berlin. – Берлин, 1999. – № 2. – С. 20–32.

20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 130 с.